И.Н.Буздалов, академик РАН
(ВИАПИ им. А.А.Никонова)

Сельское хозяйство современной России: взгляд сквозь призму стратегии устойчивого развития

Рассматриваемое в статье социально-экономическое положение в российском селе оценивается как крайне неустойчивое с характерными проявлениями глубокого системного аграрного кризиса. В контексте концепции устойчивого развития, прогрессивного зарубежного опыта ее практической реализации обосновываются направления и механизмы преодоления негативных тенденций в производственной, социально-трудовой, природоохранной сферах сельского развития, необходимые для этого радикальные изменения в аграрной политике и системе государственного управления сельским развитием.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономический рост, сельская социальная сфера, интенсификация сельского хозяйства, окружающая среда, опыт развитых стран.

В последние десятилетия научных исследований в социально-экономической области предметом особого внимания стало понятие «устойчивое развитие». Заложенные в деятельности созданного в 1968 г. Римского клуба, а затем Международной комиссии по окружающей среде и развитию его концептуальные основы постепенно трансформировались в многоплановые исследовательские разработки, их широкое обсуждение на международных и национальных научных конференциях, в различного рода государственные доктрины, программы, проекты стратегий.

В 1996 г. в Риме ФАО разработало Программу устойчивости сельского развития. Устойчивому развитию сельской местности была посвящена международная научно-практическая конференция «Никоновские чтения – 2001». Эта тема широко обсуждалась на II Всероссийском конгрессе экономистов-аграрников (февраль 2006 г.), многих региональных научных конференциях, симпозиумах, круглых столах и т.д. В 2010 г. Правительство РФ утвердило Концепцию устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации, а 2 февраля 2015 г. – Стратегию устойчивого развития сельских территорий РФ до 2030 г. с установками, направлениями, мерами по обеспечению этого развития.

Между тем на практике, прежде всего в основном, производственной составляющей сельских территорий – собственно аграрном секторе признаки устойчивости развития по определяющим критериям и показателям или отсутствуют, или выражаются в противоположных тенденциях стагнации и деградации, в лучшем случае некотором весьма «неустойчивом» количественном росте. Не сопровождаются заметными качественными изменениями производительных сил сельского хозяйства установки властей по модернизацию, инновационную стратегию развития появившиеся в последнее время вместо прежних ориентиров в научных исследованиях и в хозяйственной практике на ускорение научно-технического прогресса, последовательную интенсификацию производства, планомерное, пропорциональное развитие и т.д. В процессе научных обсуждений и дискуссий, учитывая противоречивость сочетания в одном понятии терминов «устойчивость» и «развитие» появились десятки (по различным источникам до 50-100) самых различных определений этого понятия.

Все это на фоне теоретических абстракций очевидных нестыковок и неувязок в части концептуальных подходов к проблеме устойчивого развития, неоднозначных, часто негативных практических проявлений, особенно в состоянии главных сегментов сельского ресурсного потенциала – земельного и трудового, вызывает необходимость более предметного рассмотрения научных и прикладных аспектов проблемы с позиций общих закономерностей развития материального производства и специфических их проявлений в сельском хозяйстве в контексте анализа реального социально-экономического положения в отрасли.

О понятии и концепции устойчивого развития

Термин «устойчивое развитие» впервые был использован на Всемирной конференции по окружающей среде, состоявшейся в 1972 г. в Стокгольме и введен в научный оборот Международной комиссией по окружающей среде и развитию в 1987 г. В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро этот термин был использован в качестве названия «новой концепции существования человечества». Как научное понятие «устойчивое развитие» трактовалось слишком широко, т.е. как такое развитие, которое «удовлетворяет потребности людей настоящего времени и не угрожает удовлетворению потребностей будущих поколений». Общность и некоторая «растяжимость» такого определения

вытекает уже из значительной условности, широты, внутреннего многообразия понятия потребностей, тем более в отношении будущих поколений. В концепции устойчивого развития, правда, выделяются конкретизирующие это определение принципы, предполагающие согласование экономической, социальной, экологической сторон этого развития. Но они не устраняют широты, «размытости» формулировки, а поэтому вольностей в использовании понятийного аппарата изучения проблемы, научная достоверность которого определяется опорой на общепризнанные энциклопедические издания. В действительности такой опорой часто служат замысловатые формулировки, выдвигаемые под видом «приращения» знаний, новизны, «вклада» в науку или используемые по традиции, «привычке», как когда-то кем-то наспех придумано, не вникая в их суть.

Характерный пример такой надуманности – абривиатура ЛПХ, т.е. якобы личное подсобное хозяйство, которое с самого начала его существования было, во-первых, *семейным* и, во-вторых, далеко не подсобным как по общему объему производства, так и по семейному доходу. Владельцы этого относительно самостоятельной формы мелкого крестьянского хозяйства всегда видели в нем главную опору всей своей жизнедеятельности, считая вынужденную занятость в общественном хозяйстве дополнительной, подсобной. И эту истину подтвердит любой сельский труженик. Не случайно Ленин заметил врожденную склонность людей смотреть на все «казенное» или безразлично или даже «как на материал, чтобы его злостно попортить». О том, что вопреки ожиданиям приусадебное хозяйство оказалось для крестьянина основным, «своим», а общественное чем-то чуждым, подсобным, своего рода инфраструктурой, еще в 1939 г. говорил на съезде КПСС официальный куратор «социалистических» преобразований сельского хозяйства член Политбюро ЦК партии А.А.Андреев, что естественно и закономерно с точки зрения принципиальных различий интересов и стимулов, права и формы собственности.

Уже нет колхозов и совхозов с их якобы преимуществами, а приусадебное семейное хозяйство (ПСХ) как бы не душила советская власть его налогами, проявила действительно присущую мелкому производству устойчивость и немалые преимущества, обладая огромным потенциалом развития, представляя собой обширную базу настоящей сельскохозяйственной кооперации, ее обслуживающих (вертикальных) формирований. Как особый социальный уклад, особая де-факто самостоятельная организационно-правовая

форма малого крестьянского хозяйства оно предполагает совсем иной теоретико-методологический подход к исследованию ее социально-экономической природы. Между тем, люди с большими и малыми учеными степенями и званиями, за немногими исключениями, не утруждая себя необходимостью вникнуть в суть этой природы, уподобившись церковному пономарю, продолжают монотонно твердить об этом хозяйстве, как якобы личном подсобном.

Придерживаясь строго научного метода использования понятийного аппарата многие исследователи (акад. Н.Н.Моисеев и др.) концептуальной уязвимостью понятия «устойчивое развитие» считают то, что составляющие его термины являются взаимоисключающими, т.к. устойчивость означает неподвижную твердость, неизменность положения (устойчивость мостовой опоры, высотного здания, башни и т.д.), т.е. статику в отличие от динамической сущности термина «развитие», т.е. качественного изменения, перехода от низшего к высшему. Те же признаки неизменности, «нешаткости» (В.Даль) или несущественных отклонений присущи также понятиям «устойчивость движения» (поезда, самолета, ракеты и т.д.), или «устойчивое равновесие» (экономическое, ценовое и т.д.). Термин «развитие» применительно к социально-экономическим системам предполагает научно-технический прогресс, их качественное преобразование, хотя в специальной литературе и этому, казалось бы абсолютно очевидному явлению, даются различные, нередко весьма «закрученные» определения.

Таким образом, в отношении концепции устойчивого развития к настоящему времени выдвинуты исходные идеи, сложился теоретико-методологический подход, получивший признание в научном сообществе и зафиксированный в документах официальных решений по социально-экономическому развитию. Однако пока нет общепринятого определения понятия такой формы или модели развития, как устойчивое. Во многих случаях предлагается часто излишне многословная или наоборот слишком тезисная интерпретация приведенной выше формулировки понятия устойчивого развития, предложенной Комиссией Брунтланд (Швеция) в 1987 г. Встречаются и иные, претендующие на оригинальность и новизну определения. Так, Всемирный банк рассматривает устойчивое развитие как «управление совокупным капиталом общества в интересах сохранения и преумножения человеческих возможностей». По мнению А.Д.Урсула устойчивое развитие это «управляемое системно-сбалансированное развитие, не разрушающее окружающую природную среду и

обеспечивающее выживание и неопределенно долгое существование человечества» и т.д.

Не доработав даже общих концептуальных основ концепции устойчивого развития и не сформулировав общепринятого четкого и внятного определения этого развития исследователи в этой области поспешили трансформировать эту незавершенную конструкцию в еще более усложненную надстройку в виде «новой социально-экономической парадигмы устойчивого развития» или в формулировке А.Г. Агенбегяна «новой парадигмы социально-экономического развития и рост при их однопорядковости принципиально различный по их сущности, роли и месте в воспроизводственном процессе. Рост производства или экономический рост, несмотря на то, что его источником может быть или является развитие, т.е. прогрессивное, качественное преобразование социально-экономической системы представляет собой результата количественного порядка. Более того, количественное увеличение, например, рост урожайности может достигаться за счет истощения почвенного плодородия, т.е. регресса, противоположного понятию развитие. Многие другие показатели экономического роста, равно как и экономической эффективности часто обеспечиваются вследствие нарушения окружающей среды, подрыва ее естественного потенциала.

Что касается сбалансированного в рамках рационального, взаимосогласованного использования всех факторов производства процесса развития и в этом смысле устойчивого развития, то оно способствует сохранению и увеличению этого указанного потенциала. Это, в частности, выражается в повышении экономического плодородия почвы, следовательно, количественном росте урожайности за счет факторов развития, прогрессивных качественных изменений социально-экономической системы, в данном случае научно-обоснованной системы ведения сельского хозяйства.

Учитывая незавершенность теоретико-методологического обоснования концепции устойчивого развития и тем более усложненные анализы в связи с появлением «новой социально-экономической парадигмы» этого развития многие не без основания, чтобы впустую не тратить время разбираться в запутанных дефи???? Предпочитают сразу «брать быка за рога», включаться в конкретные исследования, ограничиваясь определением понятия устойчивого развития по своему усмотрению, интуиции или формальной ссылкой на «авторитеты».

Наиболее распространенными из «расшифровки» понятия устойчивого развития является его трактовка как «стабильного» развития. В частности, упомянутая выше Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 года определяет эту устойчивость как «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий». Здесь полная тавтология, т.к. слова устойчивость и стабильность – синонимы, отражающие ту же неизменность, статику, неподвижность, поддержание достигнутого количественного и качественного состояния в данном случае экономики, социально-трудовой сферы, окружающей среды и прочих составляющих понятия устойчивого развития сельских территорий.

Под общий замысел стратегии устойчивого развития больше подходило бы понятие «динамичное развитие», однако учитывая, что в таком, поступательном прогрессивном по своей сущности, развитии существуют пределы, обусловленные оптимизацией удовлетворения потребностей, спроса на количественные результаты этого развития. Примером достижения такого предела, в частности, служит обусловленное превышением предложения над спросом сокращение посевных площадей в странах, где доминирует эта модель или стратегия развития, базирующаяся на системных качественных преобразованиях всех факторов производства, всего социально-экономического процесса.

Овладение такой стратегией – безальтернативная гарантия перехода России в разряд современных развитых стран с высокоинтенсивным, социально обустроенным, всесторонне модернизированным сельским хозяйством. Причем глубокие прогрессивные перемены в этом направлении, следуя историческим достижениям развитых стран и современного Китая нужно начинать именно с системных аграрных преобразований в рамках адекватной аграрной и общей экономической политики.

К сожалению, в последний период, вопреки Концепции устойчивого развития, истощая природные, прежде всего, углеродные ресурсы, обкрадывая тем самым будущие поколения по сути почти неограниченная российская «вертикаль» власти увлеклась другими приоритетами. Непомерно наращивая вооружения, щедро оплачивая масштабные спортивные форумы, занимаясь новым «собиранием» земель и т.д., управляющие этой вертикалью с излишней расточительностью направляет на эти приоритеты многие миллиарды общенародных денежных средств, так необходимых для

повышения уровня и качества жизни людей - основополагающей производительной силы устойчивого (в смысле *прогрессивности, динамичности*) социально-экономического развития страны.

Результатом таких увлечений стало не только углубление и без того затяжного аграрного кризиса, но и вовлечение в орбиту системного кризиса всей российской экономики с неизбежным при этом падении уровня жизни россиян, особенно и без того ущемленных в этом показателе сельских жителей. Естественным их результатом стали санкции, другие акции стран Запада по изоляции России в глобальных мирохозяйственных и геополитических процессах. На этом фоне разрабатываемые властями с участием научного сообщества концепции, стратегии, программы устойчивого развития носят если не целиком, то в основном декларативный характер.

Российское село сегодня в контексте стратегии устойчивого развития

Считается, что до 2013 г. главным инструментом реализации «Концепции устойчивого развития сельских территорий РФ» являлась федеральная целевая программа «Социальное развитие села на период до 2013 года», принятая в 2002 г. Развивающая положения этих документов, а также Государственной программы развития сельского хозяйства с ее акцентом на «создание предпосылок для устойчивого развития сельских территорий» «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (далее Стратегия) преследует цель помимо достижения общего «стабильного (следовательно, от лат. stabilis – того же *устойчивого*) социально-экономического развития сельских территорий» в конкретных ее направлениях обеспечить: «увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышения уровня его жизни, рациональное использование земель».

Не вдаваясь в дополнительные пояснения отмеченной выше очевидной методологической уязвимости тавтологию определения понятия устойчивости стабильностью, т.е. той же устойчивостью следует обратить внимание, что в конкретных целевых показателях стратегии развития (ключевое слово в понятии устойчивое развитие) включены и показатели экономического роста, прежде всего количественное увеличение производственной продукции. Отчетными данными по этому

увеличению представители ведомств и федеральных властей, включая высший уровень обычно пользуются иллюстрации успехов именно в развитии сельского хозяйства. Так, в отчете Правительства РФ на заседании Государственной думы 22.04.2014 г. основным аргументом в пользу якобы благополучия в сельском развитии выдвигается рост объема сельскохозяйственного производства в 2013 г. на 6%, тогда как в целом по экономике он не превысил 1% ,без уточнения, что этот год был благоприятным для урожаев больше по милости природы, а объем продукции животноводства упал на 2,2%. Сопоставление по периодам, включая данные 2014 г., как научный метод сравнительного анализа в сельском хозяйстве фактически свидетельствует о стагнации производства, а в сочетании с другими социально-экономическими показателями о регрессе, глубоком системном аграрном кризисе. Если же оценивать положение на селе по данным производства продукции в 2013 г., то соответствующий показатель был почти на 12% ниже уровня 1990 года. По многолетним периодам с начала реформ основной прирост (на 23,7%) получен в отраслях растениеводства, причем, как показывает анализ негативных процессов в использовании земельных угодий, он получен за счет истощения почвенного плодородия, а. животноводство продолжает оставаться в серьезном провале (66,4% к уровню 1990 г.).

Не убеждает и эйфория властей по поводу якобы успешного *развития* сельского хозяйства, подкрепляемая ссылками на экспорт отдельных видов продукции сельского хозяйства, прежде всего, зерна (в среднем за последние годы на уровне около 15 млн тонн). Однако соответствующие показатели, прежде всего, зерновой флюс на фоне провала в животноводстве, особенно, мясомолочном, свидетельствует о крайней диспропорциональности отраслевой структуры аграрного сектора. Зерно экспортировалось и в период военно-феодальной эксплуатации российского крестьянства конца 20-х - начала 30-х годов XX в., сопровождавшееся бескормицей скота и голодом самих крестьян. При нынешних перекосах в аграрной структуре и общем отставании в развитии, особенно животноводства, приходится прибегать к масштабным зарубежным закупкам продовольствия, эквивалентным 16-18 млн тонн зерна в среднем за год. На этом фоне говорить, что Россия возрождает свой статус экспортера продовольствия не приходится, тем более доля страны в мировом продовольственном импорте составляет всего 2% при абсолютном «лидерстве» в его импорте (2013 г. – 43 млрд

долларов, что почти соответствует объему всей товарной продукции сельского хозяйства страны в действующих ценах).

Таким образом, по основному целевому показателю стратегии устойчивого развития приходится говорить только о количественном росте производства сельскохозяйственной продукции, пока не достигшего уровня 1990 г. и составившего за период действия Концепции устойчивого развития сельских территорий до 2020 г. всего 7% при сохраняющейся тенденции истощения естественного плодородия, т.е. нерационального использования сельскохозяйственных, прежде всего, пахотных земель. Динамика этого роста на фоне деградации главного средства производства в сельском хозяйстве (за годы реформ вынос питательных веществ из почвы в 3 раза превысил их возврат в виде удобрений) свидетельствует не столько о развитии, т.е. качественном преобразовании, сколько о стагнации, регрессе, а это характерный признак глубокого аграрного кризиса.

Рост эффективности, как целевой показатель стратегии – действительно качественное изменение в производстве, следовательно, признак его развития. В рыночных условиях обобщающим показателем эффективности выступает рентабельность и повышение ее уровня характеризует качественные преобразования в производстве, т.е. развитие. В действительности абсолютный уровень рентабельности ее динамика не дают основания для вывода о таких преобразованиях, о позитивных сдвигах в развитии. Модернизационная стратегия развития, которая провозглашена и постоянно подтверждаемая властями в основном в форме деклараций, движения по пути последовательной интенсификации по имеющимся расчетам предполагает оптимальный уровень рентабельности в сельском хозяйстве в пределах 25-30%. Фактически с учетом дотаций и компенсаций она (при вдвое заниженной оплате труда в отрасли по сравнению со средним по экономике) в последние годы «устойчиво» находится на уровне примерно 10%, без дотации и компенсации на уровне 1-2%, а при сопоставимой оплате труда – аграрное производство перманентно убыточно.

Иначе говоря, вместо «повышения устойчивости сельского хозяйства», как одной из основных задач Госпрограммы по развитию сельского хозяйства на 2008-2012 гг., подтвержденного в Госпрограмме на 2013-2020 гг. в «Концепции устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 г.» финансовое положение на селе остается остро

кризисным, усугубляющейся растущей кредиторской задолженностью СХО, достигшей запредельных размеров (свыше 2,5 трлн рублей), что на 1/3 превысило всю выручку от продажи продукции сельского хозяйства в 2013 г. и в 15 раз полученную прибыль, добрая половина которой тут же было изъято через необоснованное налогообложение. Большинство СХО заведомо неспособны погашать задолженность.

Правда, в отчете Правительства РФ в Госдуме 22.04.2014 г. Д.А.Медведев заявил, что задолженность СХО по кредитам является «положительным фактором», не пояснив сути этой положительности для хозяйств. Если имеется ввиду списание задолженности, как возникшей вследствие непрофессионализма в проведении аграрной политике, невыполнения правительством обязательств по поддержанию ценового паритета в АПК, - то такое заявление сельхозпроизводители, как меру социальной справедливости, будут приветствовать. Но если они останутся в роли должников, то с дальнейшим, неизбежным в условиях проводимой кредитной политики, накоплением задолженности и сохранением нынешнего неэквивалентного обмена, ценового диспаритета, продолжающейся «перекачки» результатов крестьянского труда сельское хозяйство окажется в безвылазной долговой яме и состоянии банкротства, в котором ничего положительного не просматривается. А без принципиальных перемен в аграрной политике, методах и механизмах обещанной властями приоритетной государственной поддержки отрасли это банкротство (вплоть до полного разорения многих СХО) неизбежно.

Отсутствие каких-то заметных качественных изменений в финансовом положении аграрного сектора, т.е. прогресса развития в этой области к лучшему с выходом на указанные выше расчетные оптимальные показатели рентабельности (определяемой при сопоставимом уровне оплаты труда селн со средним по экономике) тормозит не только процесс развития, но и роста, физического пополнения материально-технической базы сельского хозяйства. По сути в отрасли происходит процесс *деиндустриализации* производства. Отсутствие необходимых накоплений даже при экономии на вдвое заниженной оплате труда в сельском хозяйстве (против 95% к среднему уровню в 1990 г.) обусловило декапитализацию российского сельского хозяйства, сужение и деградацию его материально – технической базы, особенно активной машинной части. На Россию приходится менее 3% основных фондов мирового сельского хозяйства против сопоставимых по площади пашни

Индии (7%), Китая (14%), США (15%). Доля машин в этих фондах в России всего около 7%, против 11% в Китае и 28% в США. Тракторный парк с 1365,6 тыс шт. в 1990 г. сократился до 271,2 тыс шт. в 2013 г., зерноуборочных комбайнов, соответственно, с 407,8 до 69,4 тыс шт. Нагрузка пашни на 1 трактор возросла за этот же период с 95 до 248 га, посевов на 1 зерноуборочный комбайн со 152 до 361 га и т.д., что в 4-5 и более раз превышает эти нагрузки в США, Англии и других стран с действительно индустриально развитым сельским хозяйством. Сельхозтехника крайне изношена и сроки ее эксплуатации перешли все разумные границы. В крайнем упадке находится вся система сельскохозяйственного машиностроения.

Вместо развития «устойчиво» идет процесс *десоциализации* села и сельских территорий. В официальной информации властей о реализации мероприятий по «Программе социального развития села до 2013 года» приводятся данные об улучшении жилищных условий для 265,7 тыс сельских семей, увеличении числа ученических мест в сельских школах на 105,8 тыс, культурно-досуговых учреждений на 24,6 тыс мест, посещений амбулаторно-поликлинических учреждений на 7,5 тыс посещений, фельдшерско-акушерских пунктов на 751 единицу, обеспечения сельского населения питьевой водой на 18,9% и т.д. Но когда все это распределить на 40 миллионов жителей села (в денежном выражении 1-1,5 тыс рублей на человека), то чтобы не говорилось о выполнении государством социальных обязательствах перед крестьянством развития в этом ключевом сегменте сельской жизнедеятельности не наблюдается. Наоборот, в суммарном выражении социально-трудовая сфера села устойчиво деградирует и это фактически признал Президент РФ В.В.Путин на заседании Госсовета и Совета по нацпроектам и демографической политике 24.04.2013 г.

Перенос ответственности за поддержание и развитие жилищно-коммунальной, социальной, медицинской и образовательной сферы с сельхозпредприятий на не имеющие ресурсов муниципальные образования при слабой поддержке этой сферы государством по сути привел к «бесхозности» деградации инженерной и социальной инфраструктуры в сельских регионах. Около 60% сельских жителей срочно нуждаются в улучшении жилищных условий. Жилой фонд изношен, большая его часть не имеет элементарных коммунальных удобств. Уровень обеспеченности сельского населения питьевой водой – всего 58%. При беспрецедентных

газовых потоках во все концы света газификация крестьянских домов, часто напоминающих времянки составляет лишь 55%. Треть сельских поселений не имеют подъезда по дорогам с твердым покрытием, что вместе с узостью информационного обеспечения фактически означает их серьезную изоляцию от внешнего мира.

Формально обсуждавшиеся в советский период проблемы преодоления существенных различий между городом и деревней полностью выпала из поля зрения властей и фактически из тематики научных исследований по аграрной тематике. А между тем обеспеченность сельского населения средним медицинским персоналом почти вдвое, а врачами – впятеро, ниже, чем городского. На селе не хватает школ, а половина детей не охвачена дошкольным воспитанием. Во многом из-за этого в ряде ведущих аграрных регионов, в т.ч. в национально – демографическом «сердце России» - Нечерноземье, десоциализация и депопуляция уже приобретают необратимый характер. За последние 15 лет на 20 тыс. сократилось число сельских поселений. За 1993 – 2013 гг. сельское население сократилось на 2,7 млн. чел. Отмеченная Президентом страны на указанном заседании «общая невостребованность», качество жизни, уровень оплаты труда селян подрывают стимулы их эффективной деятельности.

В последнее время в ряде сфер экономики, в силовых структурах, военном ведомстве оплата или «денежное содержание» по сути автоматически, вне связи с качеством и результатами труда сразу была превышена в 1,5-2 раза, тогда как сельские труженики получают половину общественно-необходимого ее уровня, а потому (особенно молодежь) настроена бежать (и бегут) из села. Во всех развитых странах, к использованию опыта которых призывает Президент (Ведомости, 31.04.2012 г.), уровень жизни сельского населения поддерживается мерами аграрной политики на среднем по экономике уровню или даже несколько более высоком (Израиль, Норвегия и т.д.)

При сохранении такой ситуации развитие трудового потенциала занятых в сельском хозяйстве, привлечение на село квалифицированных специалистов, преодоление депопуляции многих сельских территорий, а следовательно, поддержание устойчивости на большой части территории России, особенно в труднодоступных и приграничных районах, маловероятно. Госпрограммы развития сельского хозяйства и целевые программы развития села концепции и стратегии устойчивого

развития сельских территорий без необходимого (как в развитых странах) государственного ресурсного обеспечения не способны переломить негативные тенденции.

Во всех официальных документах по сельскому развитию, федеральных проектах, программах и т.д., включая Доктрину продовольственной безопасности РФ (2010 г.), в рассматриваемой здесь стратегии устойчивого развития неизменно звучит особая озабоченность по поводу лучшего использования земельных угодий, вовлечению в оборот многих миллионов гектаров заброшенных пахотных земель и т.д. Однако тот же опыт развитых стран, современного Китая показывает, что и на оставшихся землях сельскохозяйственного назначения, на оставшейся в обработке пашни (почти сопоставимой со странами ЕС) производство продукции сельского хозяйства можно увеличить в 2-2,5 раза, если исходить из стратегии *развития.*

Практическим выражением этой стратегии является последовательная интенсификация, которая в последнее время заменена общими разговорами о модернизации, инновациях и т.д., хотя это элементы, факторы интенсификации и которая также исчезла из тематики научных исследований по экономике сельского хозяйства, а в наиболее общем плане обширной, концептуально «размытой», незавершенной в части теоретико-методологического обоснования проблемой устойчивого развития с ее еще менее обоснованной надстройкой – «новой социальной парадигмой» этого развития.

Важнейшим, незаменимым фактором интенсификации сельского хозяйства является химизация, удобрение полей. При доле России в мировом производстве минеральных удобрений более 9%, в потреблении эта доля почти в 8 раз меньше, т.к. 80% этого ресурса экспортируется для удобрения полей зарубежных фермеров. В Китае и США эти доли примерно равны, а доля Индии в мировом потреблении удобрений почти вдвое выше доли в их производстве. При общем увеличении (с 15,9 до 18,3 млн т) производства минеральных удобрений за 1990-2013гг. внесение их в почву в России сократилось с 9,9 до 2,0 млн т, а в расчете на 1 га посевных площадей с 88 до 37 кг. Почти не используются органические удобрения. Заброшена химическая мелиорация земель. Известкование кислых почв, занимающих 35% пашни в России, с 1990 г. упало в 17 раз до 0,3 млн га. В критическом состоянии ирригация. Из числящихся орошаемыми 4,3 млн га не поливается половина, из осушенных земель треть (1,5 млн. га) вообще выпали из сельхозпроизводства.

Разрушение государственной системы мелиорации и поддержания плодородия почв при слабой замене ее новыми формами, нерешенность вопросов землевладения и землепользования, злоупотребления в земельных отношениях привели к масштабному выводу из хозяйственного оборота и деградации сельхозземель. За 1990 – 2012 гг. посевные площади России сократились в 1,5 раза, а общие потери пашни составили около 40 млн. га. Деградацией охвачены почти 60% площади сельхозугодий страны (в полтора раза больше среднемирового показателя), в ряде районов Черноземья слой гумуса сократился вдвое. Все это при существующей технико-технологической отсталости российского сельского хозяйства, является свидетельством отхода от главного пути его устойчивого (динамичного) развития.

Стратегия развития вообще и прогрессивного в особенности предполагает наличие высококвалифицированных кадров, прежде всего специалистов, руководителей, повышения качества трудового потенциала в целом. На самом деле в этом определяющем факторе развития производства наблюдается обратный процесс - *деинтеллектуализация.* Практически отсутствует отвечающая современным требованиям система подготовки кадров квалифицированных работников. Среднее профессиональное образование сейчас имеют около 20% занятых в сельском хозяйстве, высшее профессиональное – менее 10%. Около 80% выпускников сельскохозяйственных вузов не идут на работу в сельское хозяйство виду карьерной и жизненной бесперспективности. При сохранении такого положения через 3-5 лет в отрасли почти не останется квалифицированных механизаторов, агрономов, зоотехников и других специалистов. Вследствие отсутствия необходимой господдержки и дезорганизации системы аграрных исследований и разработок сузилась научно – образовательная база аграрного сектора, ухудшилась связь фундаментальной и прикладной науки с производством, коммерциализация результатов исследований и разработок. Численность научных кадров в аграрных научно – исследовательских учреждениях снизилась более, чем вдвое. Не находят практического применения до 80% научных разработок по рациональному ведению сельского хозяйства на современной технологической основе, хотя даже нынешний инновационный потенциал сельхозпроизводства оценивается в 400 млрд. руб.

Определенную негативную роль играет и *организационная деструктуризация сельхозпроизводства. Не получили широкого*

распространения настоящие кооперативные формы хозяйства, особенно вертикального типа, а в производственных кооперативах во многом сохранились прежние колхозные порядки, закрепленные нормами ущербного по своему содержанию Закона «О сельскохозяйственной кооперации». Место кооперативов по сути часто заменяют огромные агрохолдинги, не всегда эффективно использующие земельные и водные ресурсы, высвобождающие без предоставления альтернативной занятости значительные трудовые ресурсы и поглощающие основную часть кредитно- инвестиционных, (в т.ч. государственных) ресурсов. На другом полюсе находится по сути предоставленная сама себе масса мелких хозяйств населения (прежде всего приусадебные и другие семейные хозяйства граждан), располагающих очень ограниченными земельными и кредитными ресурсами, хотя обеспечивавших более 2/3 производства овощей, плодов и ягод, картофеля, более 20% – яиц, почти 30% - скота и птицы на убой, более 46% - молока и т.д., т.е. свыше 40% всей валовой продукции отрасли. 10% продукции села дали фермерские хозяйства, успешно конкурирующие с агрохолдингами в производстве помимо зерновых (22%) таких интенсивных культур, как подсолнечник (более 27%), овощи (почти 14%) сахарная свекла (12%), но также имеющих ограниченные ресурсы господдержки.

Для устойчивого сельского развития нужна новая аграрная политика

Научно-обоснованная аграрная политика, как это подтверждается практическим опытом развитых стран, исходит из роли, места и значения сельского хозяйства, как первичной базовой отрасли, локомотива экономики, естественной социо-природной «подушки» экономической и общей национальной безопасности государства. Поэтому стратегия этой политики, ее определяющая цель имеет объективно обусловленную направленность на создание занятым в сельской местности всех необходимых условий для активной жизнедеятельности, высокопроизводительного творческого труда. Профессионализм в определении стратегии и механизмов осуществления аграрной политики, опосредующей эффективное функционирование сложной, многофункциональной социально-экономической системы – прямое свидетельство государственной мудрости или,

наоборот, профессиональной ущербности, недальновидности политического руководства страны вообще.

К сожалению, за последние годы в процессе проводимых бессистемных, часто спонтанных мер государства по осуществлению аграрной политики с использованием методов «ручного управления», научные ее основы и принципы не соблюдаются или непрофессионально решаются на основных направлениях, в том числе в области: земельных отношений, права собственности, особенно частной, социальной структуры, сельскохозяйственной кооперации, кредитно-финансовых отношений, ценообразования, уровня и качества жизни на селе, размеров и механизмов государственной поддержки, продовольственного импорта и экспорта. Не отвечает этим основам и действующее земельное и общее аграрное законодательство.

Иллюстрация очевидных изъянов и «проколов» в указанных областях в значительной мере дана в предыдущем разделе настоящей статьи. Мягко говоря, странным образом, решается главный вопрос системы аграрных отношений – земельный с отмеченными выше негативными последствиями в использовании земли, прежде всего обусловленными искаженным механизмом реализации права земельной собственности, в первую очередь частного землевладения. Краеугольный принцип: земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает не реализован или реализуется по чиновничьему усмотрению, сопровождаемому коррупцией, злоупотреблениями, закулисными сделками по переводу сельхозземель в другие категории. Миллионы селян вместо собственников земли стали владельцами бумажных земельных долей. Миллионы гектаров этих долей оказались невостребованными или за бесценок арендуются и скупаются теми же гигантскими агрохолдингами, в которых бывшие «долевладельцы» оказались на положении батраков, наемных работников, безразличных к рациональному использованию земли.

Такое использование, сохранение и улучшение земли достигается сейчас лишь в приусадебных семейных хозяйствах (посевная площадь – 4,3%), в значительной мере в К(Ф)Х (посевная площадь около 20%), что обусловлено стимулами частного землевладения. Благодаря более бережного отношения к земле эти хозяйства на 25% посевов производят более 50% сельскохозяйственной продукции. Результаты деятельности этих хозяйств, в том числе по увеличению объемов товарной продукции были бы еще выше при широком развитии

обслуживающих (вертикальных) форм сельскохозяйственной кооперации (сбыт продукции, материально-техническое обслуживание и т.д.). Однако вокруг кооперации на селе пока ведутся больше общие разговоры, создаются формальные ассоциации, проводятся совещания и съезды, научные конференции и т.д. Эффективная кооперативная политика с адекватным ее правовым обеспечением, развитая система сельскохозяйственной кооперации в стране фактически отсутствует. Дилетантски сочиненный в 1995 г. «Закон о сельскохозяйственной кооперации» с его внутренней колхозной начинкой при всех его «улучшениях» по сути является правовой преградой на пути возрождения подлинной сельскохозяйственной кооперации.

Кредитно-финансовая и ценовая политика, налоговая система в сельском хозяйстве «устойчиво» воспроизводят убыточность отрасли, неплатежеспособность большинства СХО, загоняют аграрный сектор в безвылазную долговую яму. Предположения о перемещении средств господдержки отрасли с преимущественно ???? кредитования, обременяющего заемщиков его ростовщическими процентными ставками в основном на прямую поддержку аграрных цен, как это разумно делается в тех же развитых странах властями не воспринимаются. Официальные установки на обеспечение эквивалентного обмена, необходимого ценового паритета не выполняются. Вместо того, чтобы принять неотложные меры по повышению уровня и качества жизни на селе (этого определяющего критерия устойчивости развития) до среднего по экономике с тем, чтобы приостановить разрушительный процесс деградации сельской демографии, обезлюдения деревни Стратегия устойчивого развития сельских территорий к 2030 г. «обещает» довести этот уровень только до 80%, тогда как другим категориям граждан оплата ??? сразу повышалась до 150-200 и более процентов к среднему показателю. Объяснить эту вопиющую несправедливость по отношению к крестьянству – коренной системе нации – можно лишь следованием ущербной теории якобы второсортности, социальной неполноценности крестьянского сословия, по «прогнозу» М.Горького в книге «О русском крестьянстве» (Берлин, 1922 г.) якобы вообще обреченного «на вымирание».

Отступление от научных основ аграрной политики в отмеченных и других аспектах и направлениях является следствием пренебрежения к ключевому ее принципу – обеспечению приоритетного развития сельского хозяйства,

обусловленного известными особенностями воспроизводственного процесса в отрасли. Поскольку они связаны со стихийным действием природных факторов, повышенными рисками для частных инвесторов, пространственной рассредоточенностью, естественными сложностями сбыта (к которым добавляются сложности, обусловленные монопольным окружением отрасли посредниками, заготовителями, переработчиками и т.д.), а главное, производством продовольствия – «самой первой потребности в человеческой жизнедеятельности» обеспечение приоритета сельского развития в форме активной, прежде всего, финансовой поддержки – прямая функция государства и всего общества, учитывая прогресс в этом развитие – предпосылка прогресса в общем социально-экономическом развитии.

Эта взаимосвязь носит фундаментальный характер и подтверждается опытом всех развитых стран, начиная с небольшой Швейцарии, где обеспечение *государством* приоритета сельского развития включено в качестве особой статьи в Конституцию страны и кончая самой могущественной в настоящее время – Соединенные Штаты Америки. Известно, что до середины 18 века США не являлись передовой страной в своем промышленном и общем экономическом развитии. Таковой считалась Англия. Системные изменения в американской экономике начались с принятием в 1863 г. Закона о гомстедах, запустившего процесс развития фермерских хозяйств и динамичного внутреннего рынка. Предоставленная законом возможность бесплатного получения в собственность семьи земельного участка площадью в 70 га с обязанностью использовать его по прямому назначению в рамках общей политики аграрного протекционизма создала мощные стимулы подъема аграрного производства, развития металлургии, а, следовательно, химической промышленности, сельскохозяйственного и транспортного машиностроения, транспортной инфраструктуры и других связанных с АПК отраслей и сфер экономики.

В итоге уже к началу 20 века страна превратилась в лидирующую промышленную и продовольственную державу мира. Наряду с радикальным преобразованием сельского хозяйства, локомотива такого превращения, доля США в мировом промышленном производстве удвоилась и достигла 31%.

Обеспечение приоритета сельского развития, иначе говоря протекционистская направленность аграрной политики, особенно в начальной стадии перехода к системным социально-экономическим преобразованиям, способствовала приобретению статуса высокоразвитых экономик Германии, Франции, многих других стран мирового сообщества. Современное китайское «экономическое чудо» - прямой результат такой политики.

В России за некоторыми исключениями (период столыпинских реформ, в какой-то мере годы НЭПа) приоритет сельского хозяйства неизменно подменялся пресловутой «перекачкой» результатов крестьянского труда в другие отрасли и сферы экономики, на милитаристские увлечения и т.д. в чем особенно преуспели большевики, изобретя даже особый экономический закон так называемого «первоначального социалистического накопления», в корне подорвав производственный, прежде всего, основной – трудовой потенциал отрасли и потеряв возможности на базе ее системного преобразования поднять на неизмеримо более высокий уровень развития других отраслей и экономики в целом, о чем писал Н.И.Бухарин, характеризуя порочность политики перекачки.

Начиная с хрущевской «оттепели», бремя ее все более ослаблялось, а с начала нынешних реформ, принятия в 1990 г. Федерального Закона «О социальном развитии села», приоритетное значение сельского хозяйства было признано и официально закреплено законодательно, прежде всего в законе «О приоритетном обеспечении агропромышленного комплекса материально-техническими ресурсами (1991), других правовых актах по сельскому развитию, включая национальный приоритетный проект «Развитие АПК на 2005-2007 гг.», с включением принципа приоритетности этого развития в Госпрограмму по селу на 2008-2012 и 2013-2020 гг. Однако это признание носило больше декларативный характер уже потому, что за время реализации указанного проекта социально-экономическое положение в отрасли заметно к лучшему не изменилось, а импорт продовольствия в страну удвоился. Негативные процессы, особенно в социально-трудовой сфере села не были приостановлены, а в ряде направлений усилились.

Представители вертикали власти, включая ее высший уровень, особенно в совещаниях на базе новых маяков, вокруг которых на огромных пространствах сельскохозяйственной территории царит запустение и разорение, по сути та же,

отмеченная в свое время Лениным, «забитость и одичалость» обычно ограничиваются сведениями о господдержке села, даже ее увеличении, но никогда не говорят, сколько же через сохранившийся механизм перекачки изымается из созданного крестьянским трудом национального дохода государством и другими субъектами монопольного окружения сельского хозяйства. Между тем соотношения того, сколько дают и того, сколько через фискальный механизм, диспаритет цен забирают в денежном выражении за последние годы почти 1:10. Если в России господдержку в расчете на гектар пашни принять за 1, то в развитых странах, в том же Китае она в 10-15 и более раз выше. Ее доля в бюджетных расходах составляет в России 1,2%, в Китае 7,5% (такой она была в России в годы НЭПа), в союзной Беларуси – 11%, в бюджете ЕС – 38% плюс 4-5 и более процентов расходов национальных бюджетов стран сообщества, хотя правила ВТО, в этой части, казалось бы, для всех одинакова.

Правда, ВТО «разрешила» России после 17-летних переговоров выделять на сельское развитие примерно 2,5% годового бюджета 2013г., хотя оптимальная доля, адекватная вкладу отрасли в создание национального дохода составляет не менее 6%. Но власти и этот крайний минимум сократили более, чем на 50%. Вот почему современное сельское хозяйство напоминает ослабевшую от ?????? тощую дойную корову и не подает заметных признаков к устойчивому развитию.

* *

*

Из вышеизложенного следует, что проводимая российскими властями аграрная политика, которую с точки зрения ее научных основ и принципов таковой можно назвать весьма условно, и в концептуальном плане, и в целевой функции, и в механизмах осуществления несостоятельна и неспособна обеспечить устойчивое, направленное на системную модернизацию сельского хозяйства, динамичное развитие. Это предполагает не только разработку ее новой концепции, методов и механизмов реализации, но и внесение серьезных корректив в общую экономическую стратегию развития отрасли.

Прежде всего необходима серьезная ревизия сложившихся приоритетов, соответственно, структура бюджетных расходов, прежде всего секвостирования разросшегося до непомерных размеров военно-промышленного флюса, других «престижных» программ и проектов, включая космические, спортивные и т.д.

А это, несмотря на кризис, санкции и т.д. требует преодоления наметившихся тенденций к ручному управлению, укрепление рыночного механизма, настоящего разделения властей, усиления общественного контроля в процессе принятия решений по рассмотрению макроэкономических приоритетов и других закулисно принимаемых государственных решений, в том числе во внешнеэкономических отношениях.

Не просчитав последствий «контрсанкций» на импортные поставки продовольствия из США, других стран Запада и вообще усматривая в санкциях против России своего рода стимулы, наконец, самим всерьез заняться своей экономикой, ее модернизацией, импортозамещением и т.д. ответственные представители власти часто спешно принимают решения, не делая при этом необходимых пояснений и объяснений. А что же раньше, когда цена за баррель нефти зашкаливала за 100 долларов, мешало направить усилия и ресурсы государства на формально провозглашенную модернизацию аграрного и всего реального сектора экономики и выбирались совсем другие, далекие от его нужд приоритеты? Что касается действий по принципу «око за око», то оценивать их нужно с позиций собственной выгоды, вместо которой прежде всего сама Россия, население страны мы понесли немалые потери и убытки. Можно, вгорячах, ввести эмбарго еще и на импортные лекарства, детское питание и т.д., но нетрудно предвидеть и его последствия. Главное же наивно думать, что указанные «стимулы» заработают сами по себе без изменений в методах и механизмах управления, в частности, без реального поворота от общих призывов к реальному ресурсному обеспечению приоритета сельского развития.

Понятно, что ресурсы государства ограничены. Но ограниченность ресурсов, в т.ч. финансовых возможностей общая закономерность, характерная для любой страны и как раз те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском хозяйстве (к тому же не имевших таких, как Россия потоков нефтедолларов) *на деле исходили и исходят из его приоритета и формируют структуру бюджета в соответствии с задачами общей сбалансированности социально-экономического развития, создающего возможность системной модернизации и сельского, и всего народного хозяйства.* В проводимой российскими властями стратегии общей экономической политики приоритеты сместились в других, часто второстепенных или третьестепенных по значимости направлениях. Если можно как-то объяснить необходимость обременительных военных

расходов, ссылаясь на какие-то предполагаемые военные угрозы (весьма сомнительные в смысле реального нападения на Россию) то, по меньшей мере, недоумение вызывает заведомо излишнее усердие распорядителей и распределителей общенародного финансового фонда в затратах на дружескую или «братскую» помощь, космические, спортивные, юбилейные и прочие их увлечения и прихоти, как трудно объяснить волевое списание десятков миллиардов долларов внешних долгов.

Возникает вопрос: а не пора ли, действительно в национальных интересах страны, переоценить и радикально изменить политику «дружеских и даже братских отношений за одностороннюю оплату этих отношений со стороны России, повторяющую советскую порочную практику расточительства на поддержку «братских» партий. В конечном счете, бесполезное и обременительное для страны «великодушие» в дружеских и братских отношениях за счет России ставят ее, с одной стороны, в положение обманутого кредитора, когда бывшие «братские» заемщики оказались в НАТО или держатся подальше от щедрого благодетеля, а с другой, в случаях дорогостоящих территориальных приобретений и «присоединений», (как будто у России не хватает пресловутого «жизненного пространства») к изоляции, санкциям и т.д. порождая внутреннюю социальную напряженность в стране. Разумного объяснения такой политики нет, разве что следованием по загадочному «особому российскому пути», которого действительно «умом не понять», а в который нужно бездумно «только верить». Цена такой платы и такой веры – выброшенные на ветер триллионы так недостающих стране денежных средств, не говоря о других, в т.ч. людских потерях. С одним только списанием в последнее время «дружеских» внешних долгов буквально «за спасибо», без необходимого законодательного и общественного согласия на этот шаг, Россия недосчиталась свыше 100 млрд долларов или 6 трлн рублей по курсу на начало 2015 г. (а это 40% годового бюджета страны). За счет таких средств можно было бы немало сделать для реализации провозглашенной модернизации страны, для обеспечения приоритета первостепенной значимости – возрождения сельского хозяйства, если к ним добавить еще излишества на содержание силового блока, доходы от экспортной выручки за углеводороды, а тем более, то же зерно. Сейчас от этой выручки селу не достается ни копейки. Помогло бы этому возрождению введение, наконец, прогрессивного подоходного налога, обращение на его нужды части природной, а тем более земельной ренты, как составной части создаваемого в отрасли национального дохода. Однако из сельского хозяйства

не только изымается вся земельная рента, но и половина общественно-необходимого для устойчивого развития отрасли уровня оплаты труда.

Аграрная политика в изложенных ее общих концептуальных подходах должна получить необходимое правовое обеспечение или в специальном законе или радикально обновленном, более детализированном законе о развитии сельского хозяйства прямого действия в отдельном его базовом разделе. Действующее аграрное законодательство крайне несовершенно, отражено во множестве часто противоречивых, нестыкующихся между собой правовых актах федерального и региональных уровней, становясь своего рода правовой крышей для злоупотреблений и прямого беззакония особенно в отношении бедного и обездоленного крестьянства.

В современных условиях, когда продовольствие становится все более действенным инструментом геополитики, когда сельское хозяйство США все больше теряет значение мировой продовольственной «подушки безопасности», а Китай и Индия больше сосредоточены на обеспечении продуктами питания собственного населения, *Россия, опираясь на приоритетное развитие сельского хозяйства и всего АПК, может не только не быть вытесненной на периферию мировой экономики, но и стать одним из основателей и ключевых игроков нового «продовольственного миропорядка» на выгодных для себя долговременных условиях. Но это возможно только на основе новой, действительно обеспечивающей приоритетное (и благодаря этому устойчивое, динамичное сельское развитие с последовательно рыночным механизмом ее системного осуществления.*

Литература

Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М.: Агрорус. – 2013.

Буздалов И.Н. Устойчивость социально-экономических систем: вопросы методологии и регулирования. М.: Вестник РГНФ. – 2006. - № 6.

Буздалов И.Н. Проблемы обеспечения устойчивости агропродовольственной системы. М.: Общество и экономика. – 2006. - № 8.

Нечипоренко О.В., Самсонов В.В. Перспективы устойчивого развития сельских территорий в контексте становления

многоукладной экономики. Никоновские чтения – 2014. – М.: ЭРД. – 2014.
Стратегия устойчивого развития сельских территорий. Утверждена распоряжением Правительства РФ 2 февраля 2015 г.